

Предисловие к 3-му (дополненному) изданию Дневника

Книга «Жизнь в оккупации», изданная в 1999 году, заканчивалась записью 9 мая 1945 года, что соответствовало дню окончания войны. Но дневник я вела и позднее в течении полутора лет, вплоть до 15 сентября 1946 года. Эти записи отражают жизнь семьи в послевоенное время, фактически борьбу за выживание: мама работала бухгалтером на железной дороге, нас – четверо детей и бабушка. При этом мы стремились достойно окончить школу, упорно занимались немецким и французским языками, учили эстонский, много читали. На три летних месяца нанимались на работу к хозяевам. Поскольку это единое повествование с опубликованным Дневником, включение материала 1945-46 г. в настоящее издание, думаю, будет правомерным.

Текст публикации 1999 года печатается без изменений и исправлений. Несколько фотографий заменено.

В ноябре 1999 года семь тетрадей Дневников периода оккупации 1941-1945 гг. (Пушкин – Гатчина – Эстония) переданы Центральному государственному архиву литературы и искусства Санкт-Петербурга в фонд Юлии Федоровны Тихомировой, моей матери.

Ю. А. Кривулина (Хордикайнен)

Июнь 2011 г.

История проходит через дом человека, через его частную жизнь. Не титулы, ордена или царская милость, а “самостоянье человека” превращает его в историческую личность.

Ю.М. Лотман. Александр Сергеевич Пушкин

Вместо предисловия

Дневники написаны моей сестрой — Кривулиной Юлией Александровной, в девичестве Хордикайнен.

Наша семья: отец, Хордикайнен Александр Матвеевич (1899–1943), мама, Тихомирова Юлия Федоровна (1890–1979), и мы, четверо детей, сестры-близнецы Софья (Зося) и Юлия (Люся) родились 16 апреля 1928 года, брат Андрей родился 10 апреля 1929 года, брат Матвей — 14 октября 1933 года, — жила до войны в городе Пушкине (Царское Село) на улице Колпинской, дом 5.

Папа родился в Ц. Селе, мама — в Рыбинске. Родители по делу Центрального бюро краеведения — они работали в ЦБК — были арестованы 17 июля 1930 года и сосланы в Сибирь. Вернулись в Пушкин осенью 1934 года.

Наш отец, инженер-экономист, до войны работал старшим экономистом в Гипролесхиме. Мама поступила на работу в сентябре 1938 года старшим статистиком в Трикотажную артель им. 2-й пятилетки, которая размещалась рядом с Александровским дворцом.

Мама окончила филологический факультет Петербургских Высших женских курсов (Бестужевских) в 1914 году, но учительницей работала очень недолго.

Нашим воспитанием, конечно, занималась мама. До школы ходили в “немецкую группу”. К школе нас готовили дома, и восьми лет мы поступили сразу во второй класс. Тогда в школу принимали с восьми лет. Брат Матвей пошел в школу с семи лет на четвертую четверть.

Маме удалось внушить нам, что писание дневника — естественная потребность культурного, интеллигентного человека. А так как друзьями родителей были люди редкостной, высочайшей культуры, то уже тогда, довоенными девочками, мы понимали, что И. М. Гревс, Н. П. Анциферов, В. А. Поссе, Н. К. Бриммер (ур. Фандерфлит), да и весь круг их друзей и знакомых — люди из какого-то другого времени, другой, высшей культуры, другого стиля жизни, и видели в них идеал Человека. Хотелось ну хоть в чем-то приблизиться к своему крестному — Николаю Павловичу Анциферову: много читать или вот — писать дневник... Вероятно, тема дневников Н. П. звучала в его разговорах с родителями.

К писанию дневника нас подталкивало и одиночество, отъединенность от других детей во дворе и в школе. Годы без родителей наложили грустный отпечаток на наши души: мы были робкие, неслышные дети. Да и бабушка (Высоцкая Софья Сильвестровна (1866–1941)), мать нашего отца, с которой мы, трое детей, жили во время их ссылки, нас страшила: “Вот придуг папа с

мамой и...” Не уточнялось, что именно нас ждет, но что какое-то особое наказание — непременно. Мы боялись возвращения родителей. Когда однажды, во время их ссылки, нас навестила мамина приятельница по Бестужевским курсам Наталия Васильевна Педькова (она нам рассказывала это в поздние, студенческие годы), мы показали ей тихими-претихими детьми.

— А вы умеете шалить? — спросила она нас.

— Нет, не умеем.

— А хотите, я научу вас?

Мы отказались.

За калитку нашего сада нам выходить не разрешалось. Да и не тянуло, потому что во дворе соседнего дома целые дни раздавались истошные крики “Ванька! Манька!”. С “дворовыми” мы сошлись только в предвоенное лето. В школе нам было тягостно. Мы были действительно одеты хуже всех: никто не ходил в голубовато-синих сатиновых костюмчиках, на девочках были шерстяные юбки, шерстяные кофточки, в косах — нарядные банты. У нас никогда не было на завтрак конфет, яблок, только — морковки и черный хлеб с маслом. С лета 1939 года в нашей семье было девять человек, так как приехала из Владивостока мать нашей мамы — Евдокия Дмитриевна (бабушка Дуня) с внуком Всеволодом. Мама всегда жила с долгами перед зарплатой.

Думаю, что свободными, самими собой мы были только в мире книг и в своих фантазиях. Читали сперва дореволюционную детскую литературу, конечно, Чарскую, а позднее — европейскую и русскую классику. Кино мы не знали. Папа крайне пренебрежительно относился к фильмам, которые шли тогда на экране. До войны мы посмотрели три фильма: “Три поросенка”, “Дети капитана Гранта”, третьего — не помню. В тех книгах, которые мы читали, девочки всегда “вели дневник”.

Хотя нашим воспитанием, как я уже говорила, занималась мама, но принципы воспитания, установки давал отец. Например, “никаких телачьих нежностей!”. То есть никаких ласковых прикосновений. Нас не целовали даже в маковку! Только требовательное исполнение своих обязанностей, своего долга...

Но... но в выходные дни в любое время года папа уходил с нами в дальние прогулки и часами читал наизусть стихи по-русски и по-польски (мать отца была полькой)... Образ отца слит с этими нашими долгими маршрутами и его певучими стихами. Этот светлый, приподнятый образ разительно отличался от его облика в обычные дни, когда он, усталый, готовый к раздражению, приезжал на поезде с работы из Ленинграда. Но он-то и жив в душе и памяти.

Дневник сестры (мой пропал) — дневник обычной девочки. Его неоспоримое достоинство — бесхитростное фиксирование всего, что было с нами, вокруг нас. Почти беспристрастное. Внятный голос ОЧЕВИДЦА, СВИДЕТЕЛЯ. Недаром вслед за папой мы твердили:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые:
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.

(Ф.И. Тютчев. Цицерон)

Безусловное значение дневника сестры в том, что в нем отразилось трагическое время. 17 сентября 1941 года город Пушкин был сдан вермахту, и мы оказались в оккупации. Юрий Щеглов в статье “Жизнь и смерть Вячеслава Кондратьева” (“Литературная газета”, 1 сентября 1995, № 44) приводит слова писателя: “У нас нет о многих коренных вопросах войны настоящих книг. Мы совершенно ничего не знаем, например, о том, как жили обыкновенные люди в оккупации, чем питались, где работали [...] Как тогда жили люди — женщины, дети, старики?”

Дневник сестры дает ответ на этот вопрос. Отец был белобилетником по зрению, он был ранен и умер 14 мая 1943 года. Но в войну и при его жизни опорой семьи была мама. Дневник сестры — это отдание памяти мужеству, стойкости нашей мамы.

Дневник — это семь тетрадей. Необходимые пояснения, уточнения или дополнения к тексту “Дневника” даны курсивом, в самом же тексте — курсивом в квадратных скобках. “Дневник” печатается без стилистической правки; сохранены некоторые отступления от орфографии; расставлены недостающие знаки препинания.

Софья Нуриджанова

СОСТАВ “ДНЕВНИКА”

1. Пушкин. 29.04 (1940) — 7.05 (1940).

Отдельные записи в школьной тетрадке: 18.05. (1941), 18.07 (1941); 26.09 (1941), 18.07 (1942).

2. “Мои воспоминания” написаны на дореволюционной тонкой и плотной бумаге в широкую линейку, это часть какой-то более толстой тетради. Железных скреп нет, на их месте — расплывшиеся ржавые пятна, обложки нет.

”Мои воспоминания” написаны, вероятно, в апреле 42 года. Они прерываются отступлением в настоящее “Во время войны”. Последняя запись в этой тетрадке сделана 3.05.43.

3. Гатчина. 14.05.43 — 27.06.43.

Обычная тонкая школьная тетрадь в линейку.

4. Начата в Гатчине 4.07.43 — окончена в Эстонии, Вырусский уезд, Ласвинская волость, 5.03.44. Общая тетрадь в клеточку.

5. Эстония. 12.03.44 — 17.09.44.

Общая тетрадь в клеточку. Записи в каждой клеточке; заполнена половина тетради.

6. Эстония. 27.09.44 — 11.02.45.

Школьная тетрадь в клеточку.

7. Тарту. 20.02.45 — 20.10.45*.

* Последняя запись в “Дневнике” — от 9 мая 1945 г.

1940

29 апреля 40 г. День был хороший. Утром морозно. В школе дела сегодня плохи. Зося спрашивали по русскому языку, она ответила плохо, поставили “пос[редственно]”. Затем спросили меня, но я немного знала, и поставили “хор[ошо]”. Хватит о пустяках. Сегодня папа уехал утром в Сибирь. Дочитала “Лесовичку” [Чарской]. Много фантазировала, и это очень занимало меня. Да, еще поросенок подох. Вечера папа посадил траву, морковь, петрушку. Матвей и Анд[рей] что ашалелые [так!] носятся, орут. Прибралась у себя на столе.

30 апреля. Сегодня день теплый, но как-то нечего делать. Ни книги, ни уроки — ничего не забавляет. Вечером мама копала гряды, Андрей вырезал разных солдатиков, Зося фантазировала.

1 Мая. Погода очаровательная! Утром оделись и пошли в школу.

7 мая. Сегодня день хороший. 100 лет со дня смерти Чайковского. Сейчас передают концерт из Москвы. Мама на концерте в Ратуше. Я нигде не была. Мама уже начала копать большие гряды на огороде. Сегодня от папы пришло письмо. В нем он рассказывал, как он пошел к нашему крестному [Анциферов Николай Павлович (1889–1958) — выдающийся культуролог, историк, краевед; автор книги “*Душа Петербурга*” (Петроград, 1922)]. Там он застал его среди его знакомых. Он [Н.П.] делился с ними воспоминаниями о поездке в Италию. [Теперь о путешествии Н.П. в Италию можно прочесть в его книге воспоминаний: Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992.]

Представляю: среди хорошо убранной комнаты стоит стол, на нем — лампа, дающая тень окружающим предметам. В креслах сидят люди, интеллигентные, красивые, пожилые. Все увлекаются рассказом его [Н. П.] о Италии за чашкой чая. Новый сюжет для фантазии. Скоро испытания. Крестный мне нравится своей медленной речью, ласкостью [так!] и опрятным одеванием. О, как печален тот вид!!! Перед вами стоит человек в оборванном, грязном платье, с загрубленными руками, но не потерявшим [не потерявший] своего величия. Кто бы

подумал, что перед вами стоит некогда чистый, опрятный, хорошо одетый человек. С мягкими руками, ласковым голосом и лицом. Здесь не все фантазия, здесь есть и правда.

Здесь, в этой “фантазии” сестры, и отголоски домашних разговоров о возвращении Николая Павловича из второй ссылки, ведь он вернулся в Москву всего в декабре 1939 года, и смутные догадки о судьбе папиных знакомых, кто приходил вечером, не засиживаясь, о чем-то тихо говорил с папой. Звучали польские фамилии. Может быть, кто-то из них тоже возвращался из ссылки, может быть, кто-то приходил прощаться.

1941

18 V. 17 мая мы ходили к Марии Александровне на французский. Как только мы пришли, М. А. известила нас, что Иван Михайлович Гревс умер. Это было так неожиданно! Через некоторое время приехала от них Лена [*дочь М. А.*]. Она рассказала, что И. М. долго занимался в этот вечер и что с ним раньше случались сердечные боли, и что одна из них была около 3-х часов ночи. И. М. говорил, что он начинает ощущать слабость, которой раньше не было, и что она для него неприятна. Мария Александровна говорила, что его далекие предки — англичане с примесью шотландской крови. Лена, а после нее и мама, которая была у Гревсов 17/V, говорила, что Мария Сергеевна, как пушинка, что она очень печальна и, идя, она слегка покачивается. Мама говорит, что И. М. и М. С. жили или созданы не для суеты теперешней, а для спокойной, высокой жизни. Иван Михайлович изучал Средние века, кроме того, он был Тургеневед [*так!*]. На гражданской панихиде, мы на ней были, говорили про него очень много.

На этом запись обрывается. Полстраницы чистые, следующая запись на новой, третьей странице.

Необходимые пояснения.

Только в последние, 90-е годы, мы больше узнали о жизни и судьбе Марии Александровны Сидоровой (1882–1947) от ее старшей дочери Анны Ивановны Сидоровой. Сейчас Анне Ивановне — 84 года.

М. А. была учредительницей Частного восьмиклассного коммерческого училища М. А. Шидловской. Шидловская — девичья фамилия М. А. Училище помещалось на Шпалерной (б. Воинова), д. 7. “Здесь учились дети художника Кустодиева, сын Лозинского Сергей, дети музыкального критика Каратыгина, дети Каменева, Троцкого, брат и сестра Шостаковичи. Дмитрий Дмитриевич [Шостакович] сохранил

на всю жизнь любовь и уважение к маме. В 1940 году побыл как-то долго, обедал. До самой маминой смерти писал ей в Харьков, посылал фотографии детей”.

Муж М. А., Иван Иванович Сидоров (1884–1949), был специалистом по приборам измерения давления. В “маминой” школе преподавал естественные науки. До войны работал в нескольких вузах Ленинграда, из эвакуации был направлен восстанавливать Харьковский университет.

Мария Александровна, православная, состояла в “двадцатке” (совет прихожан храма) Сергиевского собора. Собор стоял на углу улиц Сергиевской (ул. Чайковского) и Захарьевской (ул. Каляева). Храм был разрушен, на его месте построен Большой дом. Мария Александровна была арестована вместе со всей “двадцаткой”, просидела на Шпалерной (“Большой дом”) девять месяцев, была сослана на Соловки. Пробыла там с января 1924 года по октябрь 1926. Дома оставались дочери: Ася — родилась в 1913 г., Зина — в 1914 и Лена — в 1920.

Сидорова Анна Ивановна (р. 1913) — кандидат физико-математических наук, доцент Ленинградского университета.

Сидорова Зинаида Ивановна (1914–1992) — окончила Харьковскую консерваторию по специальности “хоровое дирижирование”.

Сидорова Елена Ивановна (1920–1991) — окончила Высшее Художественное училище им. В. И. Мухомовой, художник по текстилю.

“На Соловках мама сдружилась с Еленой Михайловной Нефедьевой, близкой родственницей химика Бутлерова. Она и обратила маму в католичество. Е. М. после Соловков отбывала долгую ссылку в Каргополе, жила после окончания ссылки там и умерла в 1952 году. Доводами за принятие католицизма были высокая культура, подвижная философская мысль у католиков и отсутствие что ли ее у православных. Все родственники и друзья были против маминого вероотступничества”.

“В Пушкине, в Детском Селе, мы поселились 1 июня 1930 года на улице Широкой, потом Вокзальной, теперь — Ленина, которая ведет к вокзалу.

Это жактовский дом, на первом этаже в отдельной квартире жила семья железнодорожного инженера Домашева. В ней-то летом и жили “наши Гревсы”. Так это говорилось у нас в семье”. И. М. Гревс — троюродный брат матери М. А. Сидоровой, К. Ф. Черепановой.

“Другие года неоднократно, когда наши уезжали в город Виноград под Ейском, Гревсы жили у нас”.

Гревс Иван Михайлович (1860 – 16.05.1941) — историк-медиевист, профессор Петербургского—Ленинградского университета и Высших женских (Бестужевских) курсов, любимый учитель многих поколений студентов; основатель экскурсионного метода изучения города, крупнейший деятель краеведческого движения в России в 20-е годы.

По-видимому, наши родители познакомились с семьей Сидоровых через И. М. Гревса. Наша мама училась у И. М. на Бестужевских курсах, а в середине 20-х годов работала в Центральном бюро краеведения (ЦБК), в его Экскурсионно-справочном бюро, председателем которого был И. М. Гревс, а секретарем — наша мама. Наш отец Александр Матвеевич Хордикайнен в эти же годы — деятельный научный сотрудник ЦБК, частый автор краеведческих журналов тех лет.

М.А. занималась нашим католическим воспитанием, готовила к конфирмации, учила нас французскому языку, руководила нашим чтением, подготовила к школе.

18 VII 41. Много времени прошло с тех пор, как я не писала, и много произошло событий. 22 VI был яркий солнечный день; было жарко, по небу клочьями были разбросаны облака. Мы были в саду [*сад около нашего дома с клумбами и грядками, сиренью, жимолостью, туями*]. Вдруг на балкон быстро выходит бабушка Дуня [*Тихомирова Евдокия Дмитриевна (1870–1959) — мать нашей мамы*] и говорит, чтобы мы слушали радио. По радио выступал Молотов. Он говорил, что утром немцы напали на СССР и захватили несколько горо-